

<http://www.zabvektor.com>

ISSN 2542-0038 (Online) ISSN 1996-7853 (Print)

УДК 101.1:316

DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-5-25-35

Алексей Николаевич Фатенков,*Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского**(г. Нижний Новгород, Россия);**Приволжский исследовательский медицинский университет**(г. Нижний Новгород, Россия),**e-mail: fatenkov@fsn.unn.ru**<https://orcid.org/0000-0001-8628-2413>***Александр Васильевич Грехов,***Приволжский исследовательский медицинский университет**(г. Нижний Новгород, Россия),**e-mail: grekhov@yandex.ru**<https://orcid.org/0000-0003-3668-1576>*

Общественное сознание в реалиях IT-цивилизации

Осуществляется теоретическая реконструкция ментальных особенностей человека IT-цивилизации. Актуальность темы исследования обусловлена с очевидностью неоднозначным, а нередко и прямо вызывающим опасение воздействием новейших технологий на психику и соматику людей, на их личную и общественную жизнь. В методологии ставка сделана на неидеалистическую диалектику, сопрягаемую с содержанием критической социальной теории. В указанной методологической парадигме приоритет отдан положительной неклассической диалектике, отличающейся и от диалектики классической, и от диалектики негативной. Внимание авторов сосредоточено, прежде всего, на специфике общественного сознания, категориальный статус которого связан по преимуществу с марксистской интеллектуальной традицией. В силу чего она выбрана парадигмальной и в настоящем тексте. Вместе с тем марксистская проблематизация сознания и сопредельных ему реалий – онтологических, гносеологических, социальных – интерпретируется с учётом исторически актуальных объективных и субъективных обстоятельств. В этой связи подчёркивается роль социально-культурных матриц модерна, модернизма и постмодерна. Авторами уточняется содержание концептуально значимых понятий: общественного сознания, информации, идеологии, пропаганды, общества потребления. Само общество потребления идентифицируется как капитализм нового технологического и ментального уклада. Акцентируется и конкретизируется негативный характер воздействия информационно-компьютерных технологий на психику людей. На основании приводимых аргументов утверждается: сознание человека цифрового общества склонно к деструкции, эклектике и податливо к манипулированию, что чревато тоталитарным исходом. Очерчиваются контуры стратегии сопротивления. Её важной составляющей является способность распознавать за технологическими новшествами инновационные формы эксплуатации и контроля.

Ключевые слова: IT-цивилизация, общественное сознание, информация, идеология, марксизм

Aleksey N. Fatenkov,*Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod**(Nizhny Novgorod, Russia);**Privolzhskiy Research Medical University**(Nizhny Novgorod, Russia),**e-mail: fatenkov@fsn.unn.ru**<https://orcid.org/0000-0001-8628-2413>***Aleksandr V. Grekhov,***Privolzhskiy Research Medical University**(Nizhny Novgorod, Russia),**e-mail: grekhov@yandex.ru**<https://orcid.org/0000-0003-3668-1576>*

Social Consciousness in the Realities of IT-Civilization

Mental peculiarities of man of IT-civilization are being theoretically reconstructed in the article. The relevance of the topic is determined by the impact (which is apparently controversial and frequently even causing concern) of newest technologies on people's psyche and somatic features, their private and social life. In meth-

© Фатенков А. Н., Грехов А. В., 2021

ology the authors rely on non-idealistic dialectics that is correlated with the content of critical social theory. In the stated methodological paradigm, priority is given to a positive non-classical dialectics which is being distinguished from both a classical dialectics and a negative one. The paper is primarily focused on specificity of social consciousness which categorical status is mostly related to Marxist intellectual tradition. The latter is chosen as a paradigm in the given text. Along with that, Marxist problematization of consciousness and its neighboring realities – ontological, epistemological, social ones – is interpreted with historically actual objective and subjective circumstances in mind. In this regard, the role of socio-cultural templates of modernity, modernism and postmodernity is being highlighted. We specify the content of conceptually significant concepts: social consciousness, information, ideology, propaganda, and consumer society. Consumer society itself is identified as capitalism of new technological and mental mode. The negative character of information and computer technologies' influence on human psyche is being accentuated and elaborated. On the basis of adduced arguments, it is stated: consciousness of digital society's man is prone to destruction, eclecticism and is susceptible to being manipulated which is fraught with totalitarian outcome. The resistance strategy is being defined. Its important component is an ability to detect innovative forms of exploitation and control concealed behind technological novelties.

Keywords: IT-civilization, social consciousness, information, ideology, Marxism

Введение. «Общественное сознание» – элемент, причём немаловажный, марксистского категориального аппарата. Логично в этой связи предмет данного понятия рассмотреть преимущественно в рамках указанной интеллектуальной традиции. Параллельно появляется возможность оценить эвристический потенциал марксизма в новых исторических условиях.

Современный период в развитии человечества в определённом смысле уместно рассматривать периодом вхождения в IT-цивилизацию. Надо признать, он уже породил немало противоречий: как жизненно-реальных, так и сфабрикованных, надуманных. Причём их не просто отличить друг от друга, что оказывается одной из специфических черт текущего исторического момента. Так или иначе, отображаемые или конструируемые, все эти противоречия существенным образом связаны с человеческим сознанием.

Методология и методы исследования. Ставка сделана на неидеалистическую диалектику, сопрягаемую с содержанием критической социальной теории. В очерченной методологической парадигме приоритет отдан положительной неклассической диалектике, отличаемой и от диалектики классической, и от диалектики негативной (подробнее см.: [1, с. 159–161]).

Результаты исследования и их обсуждение. В логике К. Маркса, «сознание [das Bewußtsein] никогда не может быть чем-либо иным, как осознанным бытием [das bewußte Sein], а бытие людей есть реальный процесс их жизни» [2, с. 25]. Перед нами принцип тождества бытия и мышления – с материалистическим смещением равновесия в сторону бытия, с гуманистическим расширением рационалистского «мышления»

до небесчувственного и небезвольного «сознания», с эгалитаристским снижением требовательности к необязательно уже совершенному бытию... и с имплицитной критикой эгалитаризма, проявляющейся в допущении удручающего равенства неистинного бытия и неистинного сознания (распознанная упадочность не перестает быть упадочностью).

Фундированный практикой рационализм К. Маркса продуктивен, когда дистанцируется от панлогизма; и начинает хромать, когда тяготеет к сциентизму.

Основоположник исторического материализма имел дело с истинной теорией (наукой) и ложной идеологией (спекулятивным мышлением) – с немудрёным бинарным размежеванием истинного и неистинного [Там же, с. 26]. Такое жёсткое разграничение истинного и неистинного, науки и идеологии вполне корректно, надо заметить, если проводить его в рамках классической современной рациональности. В рамках неклассической современной рациональности, в модернистской стилистике, которой К. Маркс (как постфейербахианец) также не чужд, оппозиция истинного и неистинного аксиологически уже не однозначна, вариативна: ложь во спасение нередко ценнее бессердечной истины. Схожа здесь ситуация и с другой оппозицией: в социально-культурном формате модернизма гуманистическая идеология зачастую ценнее дегуманизированной науки. В настоящее время, однако, идеология и наука с их технологическими приложениями обросли коростой имагологии – сетью имиджей, сделавшей размытым рубеж не только между истинным и неистинным, но и в целом между ценностно-положительным и ценностно-отрицательным. Таковы веяния постмодерна. Надежды на строгую демаркацию подлинного и мнимого, человек-

ного и бесчеловечного связаны, пожалуй, по преимуществу с той здоровой установкой собственно философского, свободного от издержек сциентизма мышления, которое, не блуждая в бутафорских дебрях постпостмодернизма (см.: [3]), ориентировано на модернизм, преодолевающий декадентские соблазны.

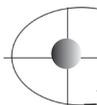
Начав рассуждение, в согласии с логикой К. Маркса, с конкретного индивида, обособляющегося, однако, исключительно в обществе, приходится признать, что сознание, как его ни определяй, есть феномен, выходящий не только за пределы мозга, но и за пределы индивидуального человеческого существа (см.: [4, с. 455]). С окружающим миром человек связан и телесно-вещно, и ментально. Сознание индивида, сколь бы особенным оно ни было, включает в себя определённую долю суждений, идей, представлений, пусть и субъективно переосмысленных – но взятых извне, со стороны. Почерпнутые из социального пространства, они не являются для человека сугубо иными, так как и каждый из нас вносит свой вклад в формирование некоторого сегмента (кто-то – узкого, кто-то – широкого) среды обитания, включая её ментальную компоненту. Индивидуальное сознание всегда существует в пространстве коллективного сознания, непрерывно (явно и неявно) взаимодействует с ним. Как общая воля, по догадке Ж.-Ж. Руссо, не равна воле всех, превышает её, так и коллективное сознание не есть простая сумма сознаний индивидуальных. В композиционном плане оно гораздо сложнее. В действительности может всецело подчинить себе сознание отдельных людей, и само в свою очередь угодить в подчинение частному лицу, и гармонизировать с ментальностью конкретных личностей.

Общественное сознание (в категориально строгом смысле) – это коллективное сознание, носителем которого выступает общность, не меньшая по объёму и историческому статусу, чем социальный класс. Оно существует в системе внутри- и межклассовых отношений, а также в формате иной большой общности, стремящейся продуктивно преодолеть, снять классовую структуру – как в случае с советским народом. Если классовый порядок снимается деструктивно (скорее не преодолевается, а маскируется) и социальность не вырабатывает и не получает взамен более высокого способа орга-

низации, коллективное сознание принимает форму массового сознания. Такова позиция авторов.

В марксистской традиции общественное сознание есть атрибут общественного бытия, его продукт (в упрощённом варианте – его отражённый продукт), воздействующий на своего производителя по принципу обратной связи. Пусть так, хотя, надо уточнить, всё отражаемое всегда концептуально достраивается субъектом (если он и в самом деле субъект, а не всего лишь носитель). Допуская, однако, что ментально отображается и воспроизводится не только нечто онтологически подлинное (бытие), но и онтологически неподлинное (инобытие и небытие), надёжнее утверждать атрибутивную взаимосвязь общественного сознания с общественной жизнью, которая наполнена как действительным, так и мнимым (превращённым и отчуждённым), как объективным, так и субъективным. Первичность жизни по отношению к её проявлениям в конечном итоге неоспорима. Человек мыслит, чтобы жить. Человек живёт не только, чтобы мыслить. До и вне жизни нет её смысла – таково кредо неидеалистического мировоззрения. Первичность же общественного бытия (в любом случае – лишь структурной части, стороны общественной жизни) по отношению к общественному сознанию всегда останется под вопросом.

Будучи производным от общественной жизни, общественное сознание априори консервативнее некоторой её фактичности и некоторых её тенденций. Этот, как и всякий, консерватизм противоречив. Он помогает в защите от откровенно асоциальных действий и намерений – но и подыгрывает социальной косности, стимулирует конформизм. Будучи одной из детерминант ментальности человека, общественное сознание содержательно и стилистически уступает и ментальности ряда социальных групп (творческих коллективов, отдельных политических партий), и индивидуальному сознанию ряда личностей. Оно пытается форматировать выделяющихся на общем фоне, но и, зачастую незаметно для себя, насыщается их настроением и идеями. Таково в общем и целом положение дел в спокойный, эволюционный период истории. В революционную эпоху общественное сознание радикализуется, прежде всего в плане ожиданий и требований, уходя в них зача-

стую далеко вперед от реалий общественной жизни. Оценочное противодействие асоциальным поступкам (самосуду, грабежу, оргиям) ослабевает. Вместе с тем, несмотря на существенную встряску, общественное сознание, как ни парадоксально, сохраняет и свой консерватизм: и сдерживающий, касательно ментальности ультрас; и отстающий, касательно осмысления глубины и перспектив происходящих изменений. На высоте положительного синтеза радикализма и консерватизма удерживаются немногие и ненадолго. Даже элитарная мысль, индивидуальная и групповая, в значительном своем охвате очарована в период революции стихией масс. Над общественным сознанием нависает угроза омассовления. Когда за его кажущейся монолитностью – аморфность и раздробленность. За суетливой поверхностной активностью – обусловленная слабой фактурностью тяга к оппортунизму, к манипулятивным трансформациям. Когда в числе его глашатаев не только народные трибуны, но и местечковые краснобаи.

Перипетии общественного сознания на изломах истории уместно конкретизировать далее применительно к периоду становления, к становлению IT-цивилизации. В очерченном предмете нас будет интересовать по преимуществу область пересечения собственно информационно-знаниевой и политико-идеологической проекций. Решение поставленной задачи предполагает содержательное уточнение концептуально значимых понятий.

Информация (как она понимается и апогетами, и критиками) есть предельно безличное и безоценочное смыслообразование с нулевым интерпретационным разбросом. Иначе говоря, она подразумевает наличие лишь одного-единственного и единственно правильного своего толкования. Появление разных её трактовок, свидетельствующее о прибавлении или убыли смысла, сделает неустранимо затруднительным различение информации и дезинформации. Ирония, однако, в том, что в абсолютно безоценочном пространстве вообще невозможно отличить нечто от его антипода.

Объективность информации в смысле независимости её от субъекта (как принимающего, так и передающего) – иллюзия, которая отнюдь не рассеивается, напротив, скорее подпитывается делением источников на достоверные, недостоверные и сомнитель-

ные. Рационально – они все сомнительные. Отбор достоверных проводится при активном участии человеческого иррационального. Объективно-независимой может быть в крайнем случае единица информации (её бит), но не какая-то, пусть самая простейшая, комбинация этих единиц, появление и существование которой не редуцируемо без смысловых потерь к механистической интеллигибельности.

«Информация» – это сциентистский конструкт, выстроенный: 1) в мозаически-дробной (номиналистической) интеллектуальной парадигме; 2) при чрезмерно упрощённом толковании объективности; 3) при осознанном или неосознанном намерении исключить субъекта из акта смыслопорождения; 4) в явном и неявном соответствии с мировоззренческими интенциями буржуазного общества, в рамках которого собственно и возникла современная наука.

По К. Марксу, максимум безразличия людей друг к другу (а стало быть, и пик такого рода – ущербной – объективности, адекватно фиксируемой и выражаемой меновой стоимостью), максимум их безразличия к содержательному труду, к полноценному производству и воспроизводству жизни (выходит, опосредованно, к производству и воспроизводству онтологически ёмких смыслов) исторически обнаруживается «в самой современной из существующих форм буржуазного общества...» (см.: [5, с. 40]). Тогда, в середине XIX в., типичным и образцовым являлся американский капитализм. Сейчас в этой роли выступает глобальный капитализм информационно-технологического уклада.

Критический взгляд на информацию отнюдь не отменяет её определённой положительной значимости для человеческой жизнедеятельности. Скорее, он приоткрывает корыстно маскируемое и отмечает фетишизируемое. Информация собирается людьми – буквально – по крупницам. Собранный её массив представляет собой набор атомизированных смыслов. Какие-то из них, или даже все, могут выступить центрами кристаллизации более-менее целостной смысловой композиции – но та никогда не возникнет без помощи внеинформационных факторов субъективного (личностного) и интерсубъективного (коллективного, группового) порядка. О принципе партийности в настоящее время упоминают немногие, но используют – все без исключения: осознан-

но или неосознанно, контекстуально или безразлично к контексту. Только небезразличное существо способно отличить информацию от дезинформации, вернее, ценностно-положительную смысловую структуру от ценностно-отрицательной, сфабрикованной.

С гераклитовских времён известно: многознание уму не научает. В продолжение мысли великого грека: безличные и безоценочные смыслы не питают ум – нагружают лишь интеллект, который здесь вполне может оказаться и искусственным.

Информация, превращаемая в фетиш, перестаёт быть элементом здорового сознания, преодолевающего свою расколотовость, продуктивно снимающего формально-логические несостыковки. Речь идёт тут и об обыденном, и о сверхобыденном сознании. Здоровое теоретическое мышление, согласимся с Гегелем (переводимым на неидеалистические рельсы), – диалектично. Оно, конечно же, не обходится без фактической информации, ставя, однако, факты в подчинение не отвлечённой от жизни теории. Абсолютизация информации с её постулированной однозначностью форматирует сознание под сциентистские нормы и требования, не предоставляя при этом надёжных средств для различения научного и наукообразного. В параллель и в дополнение чему спекулятивная однозначность делает информацию соразмерной идеологическим и технологическим запросам.

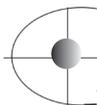
Не отрицая негативную по большей части роль информационного неравенства, т. е. фактически неодинакового доступа людей к информации (которое, впрочем, имело место во всех обществах и во все прежние исторические времена), признавая далёкой от социальной справедливости ситуацию информационного империализма, т. е. фактическую монополизацию сильными мира сего наиболее доступных широком слоям населения информационных потоков (что тоже, впрочем, не так уж исторически ново), хотелось бы сфокусировать внимание на несколько иной, не менее важной проблеме: индивид эпохи цифровых технологий избыточно информирован и недостаточно умён; общественное сознание, перенасыщенное информацией, низведено во многих своих сегментах к массовому сознанию. Вал сведений, обрушивающийся в настоящее время на человека, практически не позволяет ни формально-логически упорядочить их,

ни тем более диалектически снять воспринятые противоречивые суждения – те из них, разумеется, которые могут быть положительно сняты, в силу того что спекулятивного в них кратко меньше, чем жизненно реального.

Лавинообразно нарастающий объём информации, необходимость её ускоренной обработки и бессрочного хранения – исходные аргументы апологетов IT-технологий, в частности, Рэя Курцвейла (см.: [6]). При этом намеренно или ненамеренно замалчивается происхождение быстро прогрессирующего информационного нароста, стало быть, и статус его принудительного воздействия на людей: действительно объективного или мимикрирующего под объективность. Здоровый вопрос, куда и зачем спешим (интересно в этом плане исследование Джуды Вайсман [7]), также остаётся без внятного ответа – за исключением бредовых откровений трансгуманистов, возжелавших физико-технического бессмертия. Подчеркнём, что экономия времени посредством инновационного, цифрового инструментария отнюдь не гарантирует качественных содержательных сдвигов в жизни и её понимании. Напротив, «велика вероятность бесконечного тупика – интенсификации усилий по тиражированию стандартизированного ширпотреба. Не важно, об интеллектуальной или иной продукции идёт речь» [8, с. 217].

Впрочем, дело не только в содержательной скудости технологически отформатированного сознания, не только во вредоносном контенте многих веб-сайтов, приторно морализаторски порой обсуждаемого. Острота проблемы глубже и прозаичнее. Становясь придатком «умной» машины, человек цифрового общества, оставаясь послушным (поначалу, по крайней мере) писаным и неписаным правилам поведения, банально глупеет, и это оглупление необратимо разрушает его личность (см.: [9–11]).

Цифровое слабоумие (*digital dementia*) – да, буквально – не жупел «одиозно архаичного» умозрения, а научно (!) удостоверяемый факт современной социальной эмпирии. Патология (пока характеризующаяся именно так, отклонением от нормы) вызвана возрастающей зависимостью людей от высокотехнологичных гаджетов, констатирует, в частности, психиатр Манфред Шпитцер. Недуг проявляется в утрате некоторых элементарных навыков мышления, в обну-

лении его конструктивно-критической компоненты и, как итог, в усугублении проблем с личностной идентификацией (см.: [12]). Потери несёт не только интеллект, но и эмоциональная сфера: в человеке, свидетельствует нейрофизиолог баронесса Сьюзан Гринфилд, угасает способность к спонтанному проявлению чувств и сопереживанию (см.: [13]).

Тут же, ожидаемо, раздаются негодующие голоса адептов IT-технологий о вопиющем консерватизме подобного – элитаристского – взгляда на интернет с его будто бы огромным ресурсом в плане развития демократии и свободы. Не оставаясь в долгу, заметим, что эмансипирующий потенциал компьютерных сетей неоправданно завышен, демократию они элементарно подставляют: лёгкость, с какой гении выдают шедевры, экстраполируемая на массу не очень одарённых индивидов, ведёт к безудержному нарастанию информационного шума и накоплению хлама. «Большинство пользователей начинают сообщать друг другу о том, что никому не нужно знать, просто потому, что у них есть такая возможность» [Там же].

С. Гринфилд обращает внимание и на пагубную привычку виртуалиста к действиям, которые не имеют необратимых последствий, многократно и без труда переигрываются, стало быть, не приучают всерьёз отвечать за принятые решения. Но тогда, подхватим мысль, эмансипирующие возможности интернет-пространства моментально оборачиваются невозможностью, а декларируемая свобода оказывается легковесной, полуанонимной и безответственной перед самой собой – вовсе не свободой по меркам человеческого достоинства. Ты свободен, когда подписываешься под высказанным – фамилией, именем, отчеством. Прячущийся за псевдонимом и аватаром остаётся рабом – подневольным обстоятельством и своего малодушия. И это, без сомнения, на руку противникам свободы. Вдобавок интернет удобен им по части осуществления перманентных провокаций и тотальной слежки (за псевдонимом и аватаром не укрыться). Ирония жизни в том, что надзирающие, мнящие себя самих вне контроля, попадают под тот же колпак. Многие из них и не в состоянии осознать по недостатку ума складывающуюся ситуацию. «Упоительно рекламируемые сегодня инновационные технологии работают на подбор соответствующей категории

управленцев: не стратегов, а тактиков-счетоводов. Доминирующий инструментарий так или иначе обуславливает... спектр востребованных профессиональных качеств и их социальную стратификацию» [8, с. 219].

Идеология есть система теоретических (философских, научных) смыслов и художественных образов, адаптированная к специфике общественного сознания и служащая для целенаправленного воздействия на него. Граница общественного сознания с массовым и риск сползания к омассовлению устанавливают порог продуктивного идеологического упрощения. Возникновение общественного сознания внеидеологично: для его генезиса достаточно «отражения» с общественного бытия. Однако общественное бытие реальной истории не вполне бытийно. Его инобытийные и небытийные примеси, порой весьма весомые, делают рыхлым, пассивным и общественное сознание. В целях придачи ему определённой структуры и хотя бы потенциальной активности как раз и используют идеологию. Порой она способна радикально активизировать общественное сознание и тем самым «творить историю» (см.: [14]).

В формате классической современной рациональности идеология либо прямо противопоставляется науке (как, отчасти, у Маркса), либо, наоборот, отождествляется с наукой (как, по большей части, в советском марксизме). В любом случае статус идеологии как таковой оказывается под вопросом. Да, за ней закрепляется роль инструментария, позволяющего вбросить слепки с мыслей просвещённых особ в головы ещё не просветившихся. Но, лишённая самокритики, идеология не способна тут выбраться из соблазнительных оков идеалистической матрицы, из объятий утопии (что К. Маркс, собственно, убедительно и показал, оставив, правда, не до конца решённым вопрос о соотношении идеологии и научно-философской теории).

В формате неклассической современной рациональности мировоззренческий статус идеологии много выше. Симптоматично, что интенсивность идеологических баталий резко возрастает (в треугольнике «либерализм – коммунизм – фашизм») именно в модернистский период европейской истории и культуры. В настоящее время один из мировоззренческих экстремумов приходится на противостояние между постмодернистски

ослабленной светской культурой и технически оснащённым (и в этом смысле – модернистски привитым) религиозным фундаментализмом. Идеология с ориентацией на модернизм уже не редуцируется к науке: ни в уничижительном, ни в апологетическом контексте. Более того, она позволяет себе поучать и наставлять университетско-академическое сообщество. Иногда безумно (когда забывает о самокритике), а иногда с умом. Впрочем, общественная функция идеологии, по большому счёту, всё та же: наведение политизированных мостов между сознанием масштабно разных его носителей. Хотя, очевидно, работа эта в модернистской парадигме может быть выполнена (потенциально, опять же) качественнее, с лучшим учётом хитросплетений жизни, нежели в парадигме классицизма. Так, стилистически модернистским и методологически диалектическим является подход К. Маркса отыскивать основание идеологии не в ней самой и не в тотальности разума, а в чём-то принципиально ином – в сфере материального производства.

Понятно, что разведение сознания, индивидуального и коллективного, по полям классицизма и модернизма не снимает всех теоретических и тем более практических трудностей идеологически скорректированной человеческой жизни, не исключает из неё ни угнетающих кентаврических ментальных структур, ни взбадривающих парадоксальных симбиозов. Яркий пример тому – мировоззрение В. И. Ленина. В политико-идеологической области лидер большевиков – стопроцентный модернист: партия «нового типа», с её программным сочетанием легальной и нелегальной борьбы, – аутентично модернистская институция. В своих собственно культурных предпочтениях вождь революции явно тяготел к классицизму.

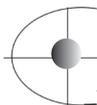
Пропаганда (о её истории см.: [15]) – это технологически выстроенный идеологический или квазиидеологический поток, распространяющийся сверху вниз с целью подстёгивания или сдерживания социальной активности. Общественные верхи эмпирически представлены, как правило, несколькими группировками: и в лагере власти преобладающих, и в лагере оппозиции. Не монолитны и социальные низы, без отклика которых, осознанного и неосознаваемого, пропаганда не достигает поставленных целей.

Оценка результативности пропагандистского воздействия, идеологичная в прошлом, в современном мире по обыкновению квази-идеологична. В подгоняемом под информационные стандарты сознании с атрофированной способностью к сущностному различению ценностей и антиценностей корыстно заинтересованы набивающие себе цену и сколачивающие себе состояние политики и генералы, незатейливо-безыдейно обрабатывающие население «заботой о безопасности» и навязыванием нелепых фобий.

Мощным пропагандистским инструментом до сих пор являются средства массовой информации (СМИ). К тезису об их общеинститутской или сегментарной «деидеологизации» следует относиться с крайней осмотрительностью – как и к самому этому броскому концепту, представляющему собой на деле также продукт идеологии, именно той, которая отличается недостаточной или избыточной самокритикой. Иными словами, деидеологизация – это либо заведомый обман или/и самообман; либо состояние и процесс функционирования в качестве доминантного квазиидеологического материала, который ориентирован уже не столько на общественное, сколько на массовое сознание (см.: [16]). Деидеологизированные СМИ, такова ирония их судьбы, достигают своей номинальной сущности – и тут же выворачивают её наизнанку, становясь по существу средствами массовой дезинформации. В их арсенале теперь отрывочные, поверхностные материалы – вопрос о том, способна ли информация быть кардинально иной, уже недостижимой ни для обсуждения, ни для постановки на страницах газет и в телеэфире. Пропагандистские операции производятся там на уровне обыденных смыслов, упакованных в вычурные термины.

Омассовление сознания сущностно выражается в стремительном росте его потребительских настроений и в облегчённой податливости к манипулированию. Социальная матрица этих ментальных трансформаций, этой возвышенной ментальной упадочности – *общество потребления*. Оно возникает тогда, когда перепроизводство фиктивно перестаёт быть кризисом, становясь ускользающим от определения его антиподом. Когда потреблять не производя могут позволить себе не некоторые, а многие.

Аксиологическая шкала «человека потребляющего» объективно смещается в

сторону гедонистически-досуговых ценностей. Какие-то из них ещё требуют от людей активности (экстремальные виды спорта), какие-то её искусно имитируют (азартные игры), но в тенденции, в тенденции онлайн, человеческая активность гасится (шопинг – и тот уже не выходя из дома). При том что маховик массового производства продолжает ускоренно раскручиваться, не нуждаясь благодаря продвинутой технике в масштабном привлечении людей. Ему нужны только – всё нарастающие – усилия тех немногих, кто способен поддерживать поступательный технический прогресс. Для остальных предусмотрено сокращение рабочего времени, сопровождающееся, впрочем, нагнетанием интенсификации труда. Причём делается это чаще всего посредством того, что статус обязательной получает работа совершенно бессодержательная, социально ненужная и требуемая лишь для того, чтобы хоть как-то легитимировать рост абсолютно спекулятивного капитала и – то неброско, то вызывающе – воспроизводить систему эксплуатации. Балом правит технократия, инкорпорированная в институт частной собственности. «Заработок становится всё теснее связан с игрой по правилам техиндустрии, из чего следует неизбежная торговля собой. Ни для кого не секрет, что электронные прислужники Кремниевой долины следуют за нами всюду прямо в кармане. <...> Нас клеймят и отслеживают как телят и коров, лишённых какой-либо значимости, и тыкают тысячами срочных, но бессмысленных приказов, возникающих из ниоткуда» [17, с. 293].

Правящая технократия облакает свои намерения в квазиидеологический, гибридный продукт: в выдернутые из контекста лозунги идеологий прошлых времён. Нетрудно, однако, заметить, что во всех этих кентаврических структурах в обязательном порядке присутствует либеральная составляющая: где-то больше политически, где-то – экономически. Либерализм – идеология-гегемон деидеологизированного мира. Трагикомичная, незавидная участь. Отдав свободу индивидуума на откуп формальному закону, либерал вдруг неожиданно для себя обнаружил, что сам попал под пяту этого закона, которым с примитивной выгодой для себя манипулирует индифферентная к любой идеологии, всеядная бюрократия. Испытывая очевидный дискомфорт, либерализм вместе с тем свысока поглядывает

на поверженные идеологические системы. Два момента предопределили его настоящий статус. Во-первых, либерализм, нельзя не признать, оказался до некоторой степени более самокритичным, нежели его основные конкуренты. Во-вторых (и это главное), он теснее всех прочих идеологий связан с сущностью капитализма и с его эволюционными возможностями.

Общество потребления не хочет называть себя капиталистическим – в действительности являясь, конечно же, таковым. Его подноготная зримо раскрывается во временной философской оптике К. Маркса (высокий статус времени прописан им в четвёртом томе «Капитала» [18, с. 264–265]). Рассуждая в схожем ключе, обнаруживаем неприглядную в социальном и экзистенциальном плане картину. Сокращение необходимого рабочего времени уменьшает вклад человека в общественный котёл, ничуть не уменьшая, напротив, увеличивая его вклад в карман капиталиста. Время, которое индивид дополнительно получает в своё распоряжение в результате сокращения (оптимизации) общественного труда, – ни необходимо, ни свободно. Оно не отвоёвано и не получено в дар. Это время скрытой эксплуатации и подспудно насаждаемого конформизма. Время, подготовленное к самоуничтожению в тотально контролируемых виртуальных сетях. Оно – объективно – лишнее. Вместе с ним, претерпевая от безвременья, объективно лишним в обществе потребления становится и гармонично развитый человек, и идеал такого человека. Массово востребован – придаток к «умным» машинам и технологиям: опознаватель торговых марок и поглотитель сопутствующих товаров, идолопоклонник информации, дистанционно голосующий электоральный штифтик. Трагедия – и объективности (не исключено), и субъективности (несомненно) – в том, что подавление заложенных природой способностей провоцирует деструкцию человеческой психики. Перспектива и промежуточные итоги неутешительны для всех. Невротик и психотик вряд ли окажутся достойными партнёрами инновационных систем. И уж точно индивиду с расстроенным умом не очень комфортно с самим собой. Перед ним, пусть туманно, начинается вырисовываться дилемма: либо и дальше потребительски убежать от себя и других в эскапизм, либо, изживая по-

требительские наклонности, возвращаться к себе и другим, творчески актуализируя богатый потенциал человечности. В поддержку ему – в меру самокритичные контр-потребительские идеологии.

Возвращение на позиции гуманизма (невозможное без разоблачения трансгуманистических химер, пропагандируемых и, увы, уже обыденно ощущаемых) осложняется тем, что человеческое сознание нестойко к манипулятивным воздействиям. Человек, такова его натура, и сам охотно обманывается. И если его сознание действительно рефлексивно-расколото (и элементы его, следовательно, легко тасуются), просторы для самообмана и ментального подлога почти бескрайние. Их окаймляет лишь смерть. Но и её лукавая рефлексия дезавуировала религиозными спекуляциями.

Наиболее популярным, хайповым способом манипулирования людьми является формирование «сверхценного» состояния коллективного сознания посредством внедрения в него примитивно-прямолинейной, чувственно-одержимой, экстатической, доводящей до фанатизма идеи (см.: [19, с. 70–71]). Подчинённая ей психика балансирует на грани патологии и способна в таком состоянии стимулировать как творчески-созидательную деятельность, так и агрессию, разрушение.

При рассмотрении феномена манипулятивных технологий ряд авторов стремятся подчеркнуть ведущую роль «эмоционального сознания», сквозь которое воспринимается информация. Утверждается, что потребительские эмоции формируют у человека информационный сигнал потребности, неоднократно воздействуя на который, можно добиться получения в сознании индивида вассальных эмоций, тем самым программировать поведенческий вектор индивида, социальных групп и всего общества (см.: [20, с. 121]). Отсюда и роль повсеместно насаждаемой экситативной, возбуждающей чувства рекламы, базирующейся на образной памяти (см.: [21, с. 56]). При этом (что, думается, куда важнее) не следует забывать о ламинарном, разделённом на слою характере рекламных вбросов, в соответствии с которым – и в соответствии с дробным, рассечённым рефлексивным сознани-

ем – формируется ментальность общества потребления.

С дискредитацией эмоциональности сознания и с тем, что современный человек больше чувствует, чем мыслит, – а ведь такова, если называть вещи своими именами и не прятаться за переусложнёнными эвфемизмами, очерченная ранее трактовка – позволим себе не согласиться. Иначе выйдет, что зрители гладиаторских боёв, требовавшие хлеба, зрелищ и реальной (не виртуальной) крови на песке Колизея, интеллектуальнее, умнее современных поглотителей рекламы и фанатов «кровавых» компьютерных игр. Да, в определённом смысле античный человек действительно умнее современного инноватика. Но не потому, что чувствовал меньше, чем мыслил, а потому, что не отрывал эмоции от интеллекта (к чему стремились, кстати, и философы постклассического, эллинистического периода). А сейчас... небезумный эмоциональный всплеск зрителей решающего футбольного матча тупо гасится, отменяется вместе с отменённым голом, признаётся недействительным, по сути, системой видеоарбитража. И это не исключение из правил – а новое правило. Не эмоциональное сознание, а культ и технология разрывов, ментальных и жизненно-практических, стратегически пособничают манипулированию людьми.

Заключение. На основании ранее изложенного приходим к следующим выводам:

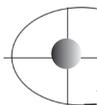
1. Сознание человека IT-цивилизации склонно к ускоренной деструкции и тотальной эклектике; оперируя конструктами сомнительной сложности, оно податливо к простейшим приёмам манипулирования.

2. Кентаврические и гибридные ментальные образования, доминирующие в складывающемся цифровом обществе, маскируют его суть – капиталистического общества с технологически осуществимой возможностью тотального контроля над людьми.

3. Соппротивление инновационному безумию и эксплуатации в её явных и скрытых формах требует крепости и самостоятельности ума, способного возвысить понимающее мышление над исчисляющим и на этой основе нетривиально решать насущные социальные и экзистенциальные задачи.

Список литературы

1. Фатенков А. Н. Невозвращенец: фигура субъекта в негативной диалектике // Вопросы философии. 2013. № 6. С. 159–169.

2. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. Изд. 2-е. М.: Госполитиздат, 1955–1981. Т. 3. С. 7–544.
3. Nealon J. T. Post-Postmodernism, or The Cultural Logic of Just-in-Time Capitalism. Stanford: Stanford University Press, 2012. 248 p.
4. Мареев С. Н. Мыслить... (избранные статьи последних лет). М.: Изд-во СГУ, 2011. 587 с.
5. Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов (Первоначальная версия «Капитала») // Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. Изд. 2-е. М.: Госполитиздат, 1955–1981. Т. 46, ч. 1. 560 с.
6. Курцвейл Р. Эволюция разума: как развитие искусственного интеллекта изменит будущее цивилизации / пер. с англ. Т. П. Мосоловой. М.: Эксмо, 2020. 448 с.
7. Вайсман Д. Времени в обрез: ускорение жизни при цифровом капитализме / пер. с англ. Н. Эдельмана; под науч. ред. С. Щукиной. М.: Дело, 2019. 304 с.
8. Фатенков А. Н. С цифровыми технологиями – в бесчеловечное будущее // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 1. С. 217–219.
9. Goldberg J. Internet Addiction Disorder // CyberPsychol. Behavior. 1996. No. 34. Pp. 403–412.
10. Carr N. The Shallows: What the Internet Is Doing to Our Brains. New York: W. W. Norton, 2010. 276 p.
11. Baek I.-H., Park E.-J. “Digital Dementia” is on the Rise // Korea JoongAng Daily. 2013. June 23.
12. Шпитцер М. Антимозг: цифровые технологии и мозг / пер. с нем. А. Г. Гришина. М.: АСТ, 2014. 284 с.
13. Гринфилд С. «Ребёнок, воспитанный на социальных сетях, теряет способность к сопереживанию» (интервью portalу Theory & Practice). URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/3539-syuzan-grinfild-rebenok-vospitannyy-na-sotsialnykh-setyakh-teryaet-sposobnost-k-soperezhivaniyu> (дата обращения: 22.03.2021). Текст: электронный.
14. Mészáros I. The Power of Ideology. New York: New York University Press, 1990. 557 p.
15. Taylor P. M. Munitions of the Mind: A History of Propaganda from the Ancient World to the Present Day. New York; Manchester: Manchester University Press, 1995. 324 p.
16. Важдиев В. П., Грехов А. В. Военно-историческая память в свете политической конъюнктуры // Приволжский научный журнал. 2015. № 2. С. 202–207.
17. Пайн К. Живи, вкалывай, сдохни. Репортаж с тёмной стороны Кремниевой долины / пер. с англ. К. Казбек, И. Мельникова. М.: Индивидуум, 2019. 304 с.
18. Маркс К. Теории прибавочной стоимости (четвёртый том «Капитала») // Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. Изд. 2-е. М.: Госполитиздат, 1955–1981. Т. 26, ч. 3. 675 с.
19. Дубровский Д. И. Основные категориальные планы сознания // Вопросы философии. 2008. № 12. С. 59–75.
20. Володенков С. В., Федорченко С. Н. Цифровые стигматы как инструмент манипуляции массовым сознанием в условиях современного государства и общества // Социологические исследования. 2018. № 11. С. 117–123.
21. Костина А. В. Россия: путь к будущему. Технологии формирования нового общества. Цивилизационная идентичность. Информатизация жизни. Культурные ценности и «общество потребления». М.: ЛЕНАНД, 2019. 200 с.

Статья поступила в редакцию 10.05.2021; принята к публикации 22.06.2021

Сведения об авторах

Фатенков Алексей Николаевич, доктор философских наук, профессор; Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского; 603022, Россия, г. Нижний Новгород, пр-т Гагарина, 23; Приволжский исследовательский медицинский университет, 603005, Россия, г. Нижний Новгород, пл. Минина и Пожарского, 10/1; e-mail: fatenkov@fsn.unn.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8628-2413>.

Грехов Александр Васильевич, доктор философских наук, профессор, Приволжский исследовательский медицинский университет; 603005, Россия, г. Нижний Новгород, пл. Минина и Пожарского, 10/1; e-mail: grekhov@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3668-1576>.

Вклад авторов в статью

А. Н. Фатенков – основной автор, осуществлял концептуализацию и оформление текста.

А. В. Грехов подбирал и анализировал литературные источники.

Библиографическое описание статьи

Фатенков А. Н., Грехов А. В. Общественное сознание в реалиях IT-цивилизации // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 5. С. 25–35. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-5-25-35.

References

1. Fatenkov, A. N. Non-returner: The Figure of Subject in Negative Dialectics. *Voprosy Filosofii*, no. 6, pp. 159–169, 2013. (In Rus.)
2. Marx, K. & Engels, F. *The German Ideology. Works. V. 3* M: Gospolitizdat, 1955–1981: 7–544. (In Rus.)
3. Nealon, J. T. *Post-Postmodernism: or, The Cultural Logic of Just-in-Time Capitalism*. Stanford: Stanford University Press, 2012. (In Engl.)
4. Mareev, S. N. *Thinking... (Selected Articles of Recent Years)*. M: Izd-vo SGU, 2011. (In Rus.)
5. Marx, K. *Economic Manuscripts of 1857–1859. Works. V. 46. Ch. I*. M: Politizdat, 1955–1981. (In Rus.)
6. Kurzweil, R. *How to Create a Mind: The Secret of Human Thought Revealed*. M: Eksmo, 2014. (In Rus.)
7. Wajcman, J. *Pressed for Time: The Acceleration of Life in Digital Capitalism*. M: Delo, 2019. (In Rus.)
8. Fatenkov, A. N. With Digital Technologies – into an Inhuman Future. *Legal Science and Practice*, no. 1, pp. 217–219, 2020. (In Rus.)
9. Goldberg, J. Internet Addiction Disorder. *CyberPsychol. Behavior*, no. 34, pp. 403–412, 1996. (In Engl.)
10. Carr, N. *The Shallows: What the Internet Is Doing to Our Brains*. New York: W. W. Norton, 2010. (In Engl.)
11. Baek, I.-H., Park, E.-J. “Digital Dementia” Is on the Rise. *Korea JoongAng Daily*, June 23, 2013. (In Engl.)
12. Spitzer, M. *Wie wir uns und unsere Kinder um den Vorstand dringen*. M: AST, 2014. (In German.)
13. Greenfield, S. “A Child Raised on Social Media Loses the Ability to Empathize” (Interview with Theory & Practice Portal). Web. 22.03.2021. <https://theoryandpractice.ru/posts/3539-syuzan-grinfild-rebenok-vospitannyy-na-sotsialnykh-setyakh-teryat-sposobnost-k-soperezhivaniyu> (In Rus.)
14. Mészáros, I. *The Power of Ideology*. New York: New York University Press, 1990. (In Engl.)
15. Taylor, P. M. *Munitions of the Mind: A History of Propaganda from the Ancient World to the Present Day*. Manchester; New York: Manchester University Press, 1995. (In Engl.)
16. Vazhdaev, V. P. & Grekhov, A. V. Military and Historic Memory in the Aspect of the Current Political Situation. *The Privolzhsky Scientific Journal*, no. 2, pp. 202–207, 2015. (In Rus.)
17. Pein, C. *Live Work Work Work Die: A Journey into the Savage Heart of Silicon Valle*. M: Individuum, 2019. (In Rus.)
18. Marx, K. *A History of Economic Theories (Capital, volume IV). Works. V. 26. Ch. III*. M: Gospolitizdat, 1955–1981. (In Rus.)
19. Dubrovsky, D. I. The Basic Categorical Planes of Consciousness. *Philosophy questions*, no. 12, pp. 59–75, 2008. (In Rus.)
20. Volodenkov, S. V. & Fedorchenko, S. N. Digital Stigmata as a Tool of Manipulating Mass Consciousness in the Conditions of Modern State and Society. *Sociological research*, no. 11, pp. 117–123, 2018. (In Rus.)
21. Kostina, A. V. *Russia: A Path to the Future. Technologies of the Formation of New Society. Civilizational Identity. Informatization of Life. Cultural Values and the “Consumer Society”*. M: LENAND, 2019. (In Rus.)

Received: May 10, 2021; accepted for publication June 22, 2021

Information about authors

Fatenkov Aleksey N., Doctor of Philosophy, Professor; Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; 23 Gagarina ave., Nizhny Novgorod, 603022, Russia; Privolzhskiy Research Medical University; 10/1 Minin sq., Nizhny Novgorod, 603005, Russia; e-mail: fatenkov@fsn.unn.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8628-2413>.

Grekhov Aleksandr V., Doctor of Philosophy, Associate Professor; Privolzhskiy Research Medical University; 10/1 Minina sq., Nizhny Novgorod, 603005, Russia; e-mail: grekhov@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3668-1576>.

Contribution of authors to the article

- A. N. Fatenkov – main author, conceptualization and text design.
- A. V. Grekhov – selection and analysis of literary sources.

Reference to the article

Fatenkov A. N., Grekhov A. V. Social Consciousness in the Realities of IT-Civilization // Humanitarian Vector. 2021. Vol. 16, No. 5. PP. 25–35. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-5-25-35.